

DOI: 10.53737/1468.2023.57.53.023

П.И. Шульга

КОЛЕСНИЧЕСТВО И ВЕРХОВАЯ ЕЗДА У СКИФОИДНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КИТАЯ (КУЛЬТУРА ЯНЛАН)*

В последнее десятилетие всё чаще поднимаются вопросы возникновения и развития колесничества и верховой езды в Евразии. Этому способствует активизация археозоологических исследований, позволяющих по следам на зубах, изменениям и деформации костей лошадей определить степень и формы их использования. В статье анализируются особенности захоронения лошадей в могильниках Вандаху (V—III вв. до н. э.) и Мацзяюань (III—II вв. до н. э.) скифоидной культуры янлан с привлечением результатов детального археозоологического изучения конских черепов из Вандаху. Все имеющиеся данные однозначно указывают, что некоторые умершие в Вандаху погребались как воины-колесничие с оружием и черепами четвёрок лошадей со следами воздействия удила на зубах, колесничными псалями и деталями колесниц. Материалы элитных захоронений в Мацзяюань с реальными колесницами и костяками лошадей подтвердили заключение о принадлежности черепов из Вандаху колесничным лошадям и показали чрезвычайно конструктивное и функциональное разнообразие колесниц, представленных образцами от боевых и парадных квадриг до больших одноосных повозок, влекаемых четвёrkой быков. Полученные данные из оставленных западными жунами могильников Вандаху и Мацзяюань демонстрируют только использование колесниц. Свидетельств верховой езды нет. Однако, согласно имеющимся письменным древнекитайским источникам, *западные жуны* были хорошими всадниками, которых привлекали в кавалерию армии Цинь. Косвенным подтверждением тому является наличие в терракотовой армии Цинь того же времени (вторая половина III в. до н. э.) верховых лошадей с седлами степного типа.

Ключевые слова: Китай, ранний железный век, скотоводы, колесничцы, конница.

Сведения об авторе: Шульга Петр Иванович, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Контактная информация: 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

P.I. Shulga

CHARIOTRY AND HORSE RIDING AMONG THE SCYTHIAN-LIKE POPULATION OF NORTHERN CHINA (THE YANGLANG CULTURE)

In the last decade, the issues of the emergence and further development of chariot racing have been increasingly raised. It is due to the activation of archeozoological research that the determining the degree and forms of horse exploitation by traces on teeth as well as by changes and deformations of horse bones became possible. The article analyzes the features of horse burials in Wangdahu (5th — 3rd century BCE) and Majiayuan (3rd — 2nd century BCE) burial grounds of the Yanglang Scythoid Culture with the involvement of the results of the detailed archeozoological study of horse skulls from Wangdahu. All available data clearly indicate that some of the deceased in Wangdahu were buried as warriors-charioteers with weapons and chariot horse cheek-pieces and parts of chariots; the skulls of four horses displayed traces of the bits on their teeth. Materials from elite burials in Majiayuan with real chariots and horse skeletons confirmed the

* Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX—III вв. до н.э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

Статья поступила в номер 15 мая 2022 г.

Принята к печати 11 декабря 2022 г.

conclusion that horse skulls in Wangdahu belong to chariot horses. These discoveries have demonstrated an extraordinary constructive and functional diversity of chariots, represented by various objects, from combat and parade quadrigas to large single-axle wagons drawn by four bulls. The data obtained from Wangdahu and Majiayuan burial grounds, left by the Western Rong, only demonstrate the use of chariots. Evidence of horse riding hasn't yet been found. However, in some ancient Chinese narratives, the Western Rong population is noted to be excellent horsemen who were engaged to serve in the cavalry corps of the Qin army. An indirect confirmation of this is the presence of riding horses with the steppe-type saddles in the Qin Terracotta Army of the same period (the 2nd half of 3rd century BCE).

Key words: China, the Early Iron Age, pastoralists, chariots, cavalry.

About the author: Shulga Petr Ivanovich, PhD (History), Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 630090, Russia, Novosibirsk, 17 Ac. Lavrentieva Ave., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

Введение

Образ жизни скотоводов скифского времени в степях Евразии, обычно определяется как кочевой. Зачастую, подобным образом характеризуются и «варвары», окружавшие древнекитайские царства. Это мнение как будто подтверждает ставшее традиционным описание жизни сюнну и их предков, которые: «вместе с пасущимися стадами кочевали с места на место. В их стадах больше всего было лошадей, крупного рогатого скота и овец, Они передвигались в поисках воды и травы, у них не было обнесенных стенами городов и постоянного места для жилья, они не занимались обработкой полей, ...» (Сыма Цянь 2002: 323). Ко времени написания этих строк, в конце III—II вв. до н.э. в связи с развернувшейся войной сюнну против соседей, юэчжей и имперского Китая подвижность скотоводов несомненно усилилась. Однако, до этого времени степень их осёдлости была довольно высокой, с чем в значительной степени связано широкое использование скотоводами Северного Китая двуколки и боевых колесниц по меньшей мере с IX по III—II вв. до н.э. Более того, первые колесницы с лошадьми и ранней сбруйной фурнитурой были привнесены в XIII—XII вв. до н.э. в царство Шан представителями неких групп населения, обитавшего от Шан к северу (во Внутренней Монголии?) (Linduff 2003; Shelach-Lavi 2014; Rawson et al. 2020) или к западу и северо-западу (Mair 2003). Что из себя представляла эта загадочная культура пока неясно. Учитывая многочисленные петроглифы с изображениями колесниц на Саяно-Алтае и в Монголии, следует полагать, что одноосные повозки использовали за пределами Шан и Западной Чжоу с эпохи поздней бронзы. Так, согласно надписи на треножнике из Чанани, в IX в. до н.э. колесницы в значительном количестве были на вооружении северных варваров *сяньюнь*. С последними связана военная экспедиция отряда Западной Чжоу, состоявшаяся около 816 г. до н.э. Только в одном эпизоде у *сяньюнь* было захвачено 117 колесниц. Наличие или участие конницы у *сяньюнь* там не упоминается (Mair 2003: 165). Показательным примером готовности «варваров» к оседлой жизни, созданию государства с колесничным войском является царство Чжуншань, созданное, осевшими в VII в. до н.э. северными *ди* у юго-западных границ Янь. Оно могло выставить тысячу колесниц, но имело и конницу. В VII в. до н.э. у северной границы царства Янь оседают и шаньжуны. Они также использовали колесницы, а у воинов шаньжунов из Юйхуанмяо даже зафиксирован уникальный костюм колесничего в виде передника и свисавших сзади от пояса до икр ремешков с бронзовыми подвесками. Такой костюм не пригоден для всадника, но был хорошо виден у колесничего (Шульга 2015: 60; Шульга, Шульга 2019а).

Как ни парадоксально, но достоверные сведения о широком распространении всадничества и кавалерии у скотоводов Северного Китая относятся только к IV в. до н.э. Судя по письменным источникам, конные лучники в одеждах хуннского типа появляются у

китайцев вынужденно для противодействия отрядам степняков, перешедших к этой тактике несколько раньше. Традиционно под этими «степняками» понимаются обитавшие к северу и к западу *ди*, *ху*, *жуны* и др. Однако, имеется мнение, что конными лучниками были пришлые племена, которых ранее сдерживали *жуны* и *ди*. В период Воюющих государств могущественные китайские царства поглотили эти буферные народы, и сами открылись для северных конных кочевников (Wan Xiang 2013: 102). Насколько эти предположения верны, покажет будущее, но очевидно, что в IV в. до н.э. происходили мощные движения кочевников, в частности достигавшие Алтая (Республика Алтай, Россия). Реформа Улин-Вана (правил 325—295 до н.э.) около 307 г. до н.э. в северном царстве Чжао, была ответом на столкновения с полуварварским царством Чжуншань, а также с другими северными кочевниками.

Единственное археологическое свидетельство реального существования кавалерии и верховых лошадей с детально проработанными сёдлами и седельными ремнями имеется в терракотовой армии Цинь Шихуанди, воспроизводящей реальную армию Цинь второй полов. III в. до н.э.¹ (рис. 2: 1). В других памятниках скотоводческих культур Северного Китая и в китайских захоронениях III в. до н.э. фурнитура сёдел и седельных ремней отсутствует. Очевидно, что полные сбруйные наборы верховой лошади с седлом в V—III вв. до н.э. на территории Северного Китая были. Однако в силу особенностей погребального обряда в захоронения там помещали только уздечки. Часть из них имеет специфические «колесничные» псалии с дополнительным третьим оверстием (рис. 1: 8, 18), а потому можно с большой долей уверенности соотносить их с упряжками. Вместе с тем, у скотоводов Китая широкое распространение получила узда с универсальными для степей Евразии псалиями и удилами, используемыми в верховой и упряжной сбруе (рис. 1: 9, 19, 4: 6). В этом случае определить по уздечке характер использования лошади затруднительно или невозможно. Решение проблемы видится в привлечении комплекса данных археологии и археозоологии, а также сведений из древнекитайских текстов.

В своём исследовании данного вопроса по китайским письменным и археологическим источникам В. Майр пришёл к следующим выводам: а) на начальном этапе (около 1200 г. до н.э.) лошади в Шан и у некоторых из их соседей использовались в колесничных упряжках; б) верховая езда практиковалась у северных и западных «варваров» уже в первой половине I тыс. до н.э., но в основном для охоты и транспортировки; в) северные и западные скотоводы начинают использовать конные отряды в войне только во втор. полов. I тыс. до н.э., а сами китайцы ещё позже — с конца IV в. до н.э. (Mair 2003: 163). Отдавая должное указанному автору, нужно отметить, что эти выводы относительно северных и западных скотоводов основаны на письменных источниках. Соответствующего археологического материала к тому времени было недостаточно, в том числе и по культуре янлан. Ситуация принципиально изменилась после раскопок элитных захоронений с колесницами на могильнике Мацзяюань (Институт археологии 2008; Чжоу Гуанци и др. 2009; Ван Хуэй и др. 2010; Се Янь, Лю Бинбин 2012; Лю Бинбин и др. 2018; Институт археологии 2014), а также сравнительно скромных, но очень показательных материалов могильника Вандаху, включающих большое количество остеологического материала (Институт археологии 2016; Шульга, Шульга 2019б). Комплексное изучение культуры янлан ещё на начальной стадии, но уже нет сомнений, что она займёт особое место в кругу культур скифского мира. Для этого имеются все данные: обилие артефактов в погребениях, включая черепа домашних животных; наличие богатых элитных захоронений и датированных китайских изделий; длительное существование культуры (VI—II вв. до н.э.); близость культурам Ганьсу, Ордоса и Сибири; возможность идентификации её с известными группами западных жунов из исторических источников. В данной статье кратко остановимся на археологических материалах из могильников Вандаху и Мацзяюань, демонстрирующих наличие колесниц и колесничества в культуре янлан.

¹ По всей видимости, самое раннее седло из Северного Китая с лакированными упорами сохранилось на Алтае в Третьем Пазырыкском кургане (Степанова 2012: 449—451; 2014: 236), датированном, на наш взгляд, второй половиной IV в. до н.э.

Культура янлан

Основная часть выявленных могильников культуры янлан находится в южной части Нинся-Хуэйского автономного района, а также в прилегающей восточной части Ганьсу. Носители культуры янлан согласно историческим источникам относятся к западным жунам, непосредственно граничивших с запада (в Ганьсу) и севера (в Ордосе) с царством Цинь. Не смотря на постепенную экспансию Цинь в западном и северном направлениях, сопровождавшуюся военными столкновениями с *жунами*, между ними зачастую поддерживались мирные отношения, велась торговля, заключались военные и брачные союзы. В отличие от вытесненных или ассимилированных скотоводов в Ордосе (внутри дуги р. Хуанхэ), *жуны* на востоке Ганьсу (район с центром в Мацзяюань) в V—IV вв. до н.э. сохраняли независимость. Для этого времени в культуре янлан фиксируются достаточно однородные захоронения, в том числе погребения колесничих на могильнике Вандаху с большим количеством жертвенных животных, оружием, конским снаряжением и деталями колесниц. После присоединения этой территории в начале III в. до н.э. к царству Цинь и строительства в 271 г. до н.э. оборонительной стены, обитавшие в этом районе жуны не ушли. По всей видимости, они органично встроилась в новые отношения, осуществляя посреднические поставки лошадей в Цинь от скотоводов с запада. Благодаря торговле, заинтересованности Цинь в лошадях и воинах, элита жунов сохранила относительную независимость, а в III—II вв. до н.э. вышла на уровень циньской аристократии. По мнению У Сяолун «В Мацзяюань размер гробниц, количество ступеней в их стенах, а также количество и типы погребённых в них колесниц, ранжированы и соотносятся друг с другом. Местные правители, очевидно, были знакомы с системой рангов Чжоу и приняли ее, чтобы обозначить свое богатство и социальный статус.» (Wu Xiaolong 2013: 127). Явным влиянием китайской обрядности в Мацзяюань является пологий дромос и отсутствие катакомбы в центральной могиле «правителя» (Чжоу Гуанци и др. 2009: рис. 2). Вместе с тем, во всех остальных элитных погребениях Мацзяюань продолжали воспроизводить основные особенности погребального обряда культуры янлан. В некоторых публикациях, изданных по результатам первого этапа раскопок, на наш взгляд, слишком прямолинейно проводились аналогии Мацзяюань с курганом Иссык и культурой саков Казахстана (Yang Jianhua, Linduff 2013; Кан Ин Ук 2018). Указанные исследователи в той или иной мере связывают появление замечательных изделий из золота и серебра в Мацзяюань с проникновением носителей сакской культуры через Синьцзян. Это могло быть продвижение отдельных индивидуумов на восток Ганьсу (Yang Jianhua, Linduff 2013: 81—82), или же целых групп населения с мастерами, продвигавшихся ещё дальше на восток до царства Янь (Кан Ин Ук 2018: 395, 401, 410). Думается, для таких предположений нет веских оснований. Более взвешенной представляется позиция У Сяолун, хоть и допускающей сакское влияние через Синьцзян (Wu Xiaolong 2013: 127), но указывающей на самобытность звериного стиля в культуре янлан, и на производство изделий для колесниц в мастерских Цинь (Wu Xiaolong 2013: 129, 134). Прямая власть Китая над территорией у современных городов Гуюань и Чжунвэй, где располагаются могильники Вандаху и Мацзяюань, была установлена лишь в ходе усиления империи Хань после побед императора У-Ди над хунну в 114 г. до н.э. Соответственно, можно полагать, что культура янлан просуществовала на территории Нинся-Хуэйского АР и прилегающего района Ганьсу до середины II в. до н.э., сохраняя при этом скотоводческую направленность хозяйства. В этом отношении культура янлан единственное образование, просуществовавшее на границах Древнего Китая столь длительное время — с VI (VII ?) по II в. до н.э.

Характерными для культуры янлан являются погребения в катакомбах. Например, в Вандаху погребальная конструкция включала подпрямоугольную (подквадратную) входную яму глубиной около 1 м и узкую наклонную катакомбу длиной 2—3 м, устроенную в восточной стенке. В катакомбу помещали только одного человека на спине вытянуто,

головой в восточный сектор (рис. 1: 1). После погребения человека в заполнение входной ямы у восточной стенки укладывались головы лошадей мордами на восток (что совпадало с ориентацией покойного) (рис. 1: 2). Головы крупного рогатого скота, овец и коз, обычно, размещались к западу от них в центральной и западной частях входной ямы (рис. 1: 2). Керамику в погребения могли не ставить. Оружие, детали сбруи и колесниц, пояс с фурнитурой, украшения и прочие изделия, обычно помещали в катакомбе (рис. 1: 1), реже — во входной яме. Несмотря на удалённость от Монголии и Саяно-Алтая, в захоронениях культуры янлан VI—III вв. до н.э. «скифская триада» представлена даже более полно, чем в культурах маоцингоу и шацзин.

Конское снаряжение культуры янлан, включало многочисленные детали уздечек и упряжи, с удилами, псалиями, разнообразными распределителями и бляхами. Преимущественно это было снаряжение колесничных лошадей, на что указывают часто встречающиеся в погребениях детали колесниц и «колесничные» псалии с большим дополнительным центральным отверстием (рис. 1: 8, 18). Вероятно, колесницы применялись уже на начальном этапе культуры, как это зафиксировано у упомянутых северных варваров *сяньюнь*, лишившихся в одном столкновении 117 колесниц (Mair 2003: 165). Согласно археологическим материалам, конское снаряжение и детали колесниц достоверно фиксируются уже в наиболее ранних погребениях культуры янлан, предположительно датируемых с VII в. до н.э. Так, на могильнике Мачжуан в могиле IM11 бронзовый наосник колесницы найден в комплекте с бронзовыми «восточными» удилами, датируемыми VII — началом VI в. до н.э. (Сюй Чэн и др. 1993: рис. 20: 18, 21: 18). К сожалению, по имеющимся неполным публикациям сложно выделить ранние комплексы VII—VI вв. до н.э. Последующий период культуры янлан V—III вв. до н.э. хорошо прослеживается по полностью опубликованным материалам могильника Вандаху (Институт археологии 2016).

Могильник Вандаху

Погребальный обряд на могильнике соответствует основному типу погребений в катакомбах, отмеченному на других могильниках культуры янлан. Все семь погребений в Вандаху, не потревоженных грабителями, совершены в узких катакомбах (рис. 1: 1). В заполнении входных ям находились черепа жертвенных животных, в основном сконцентрированные у входа в катакомбу в восточной части ямы над ногами человека (рис. 1: 2). Катакомбы устраивались в широтном направлении (с запада на восток) и имели значительный наклон в восточном направлении, вследствие чего голова умершего находилась ниже ног. Умершие располагались на спине, вытянуто, головой на восток.

Благодаря проведённым и опубликованным определениям костей животных из Вандаху, нам впервые известно точное количество черепов погребённых лошадей, их возраст и пол. Особое значение имеет обнаружение среди них особей со следами износа на зубах от металлических удил (Институт археологии 2016). Количество черепов жертвенных животных (лошадь, крупный рогатый скот, овца, коза) в наиболее представительных погребениях Вандаху было примерно одинаковым — от 25 до 31 особи. В отдельных случаях черепа заполняли почти всю площадь входной ямы и укладывались слоями. Всего в погребениях могильника Вандаху обнаружены черепа с нижними челюстями и немногочисленные позвонки 158 особей домашних животных: 38 лошадей, 21 крупного рогатого скота, 33 коз и около 66 овец. В расположении черепов животных прослеживается определённый порядок. Наиболее полно он соблюдался в захоронениях людей с более высоким статусом — взрослых воинов-колесничих в могилах M1 и M4. Подчеркнём, что в обеих могилах сохранились сбруйные наборы на четыре лошади. Общее описание этих семи погребений уже приводилось (Shulga, Shulga 2021). В соответствии с темой данной статьи в ней рассматриваются только погребения взрослых воинов-колесничих в могилах M1 и M4, и детей в могилах M2, M3. В качестве примера более подробно рассмотрим могилу M1.

Могила М1 содержала непо потревоженное захоронение воина 40—45 лет. Сопроводительные предметы располагались в катакомбе по сторонам от умершего (рис. 1: 1). Слева от мужчины лежали характерный китайский клевец *гэ* (рис. 1: 5), а также бабочковидные бляхи наборного пояса и кинжал, имеющие многочисленные аналогии на Саяно-Алтае (рис. 1: 3, 7). Справа находился роговой наконечник стрелы (рис. 1: 6) и скопление деталей конского снаряжения. В изголовье симметрично лежало два бронзовых навершия в виде голов хищных птиц (рис. 1: 12). Конское снаряжение включало детали четырех уздечек, из которых две были с характерными роговыми «колесничными» псалиями, имеющими дополнительное большое центральное отверстие в иной плоскости (рис. 1: 8). Удила при них отсутствовали. Две другие уздечки были снабжены подобными роговыми двудырчатыми псалиями, но без дополнительного центрального отверстия (рис. 1: 9). В комплекте с ними были бронзовые удила с большими кольчатými внешними окончаниями (рис. 1: 10). В наборы также входили: девять бронзовых блях; 20 костяных малых и четыре крупных распределителей ремней; восемь костяных двоителей на четыре уздечки; налобная костяная бляха и некоторые другие детали, также характерные для культуры янлан (Шульга, Шульга 2019б: рис. 3: 1—10). К деталям колесницы относится бронзовый наосник с остатками деревянной оси (рис. 1: 11) и, предположительно, два бронзовых навершия, возможно, украшавших ярмо-рогатку (рис. 1: 12). Во входной яме могилы М1 в двух слоях находилось 25 черепов животных (12 лошади, 2 крс, 4 козы, 7 овцы). Нижний слой состоял из пяти черепов взрослых лошадей (с нижними челюстями), уложенных на основание в ряд вдоль восточной стенки могилы резцами (мордами) в восточном направлении. На зубах одного из черепов (№6) отмечены следы сработанности от металлических удил (рис. 1: 2).

В могиле М4 также находилось захоронение воина 40—45 лет. В катакомбе рядом с умершим обнаружены: китайский биметаллический меч, бронзовый кельт (рис. 1: 14, 16) и другие изделия. Во входной яме среди костей животных найдены бронзовое долото (рис. 1: 15), звено железных удил и полноразмерный железный втульчатый наконечник копья длиной 23,4 см с ромбическим пером (рис. 1: 13). Там же обнаружено два скопления деталей конского снаряжения с неполным комплектом на четыре лошади. В одном скоплении находились «колесничные» псалии без удил (рис. 1: 18), в другом — двудырчатые псалии с железными удилами (рис. 1: 19). Судя по почти одинаковому с могилой 1 количеству распределителей (18 экз. малых и 4 экз. крупных), в могилу М4 также поместили сбрую на четырёх лошадей. На это же указывает расположение в первом ряду четырёх черепов лошадей со следами удил на зубах. Таким образом, в самом богатом погребении М4 с воином были помещены настоящая (рабочая) четвёрка колесничных лошадей и четыре комплекта сбруи. В комплект вооружения воина входили характерная для Северного Китая пара находимых при колесницах и воинах-колесничих изделий (кельт и долото), а также копье с ромбическим пером типа найденных при колесницах в Мацзяюань. Это первый случай столь показательной демонстрации соответствия специализации воина и подхороненных к нему лошадей.

Расположенные рядом могилы детей М2 и М3 содержали практически одинаковые по форме и размерам наборы конского снаряжения и вотивного вооружения, а взрослые лошади там были заменены жеребятми. Ребёнка 2—3 лет в могиле М2 захоронили как воина-колесничего с поясной пряжкой (рис. 1: 22) и полноразмерными деталями сбруи (15 бронзовых блях и колокольчик) (рис. 1: 24, 25), но с вотивными бронзовыми кинжалом (длина 14,8 см) и втульчатым наконечником копья с ромбическим пером (длина 10 см) (рис. 1: 20, 21). Лошади представлены черепами четырёх уложенных попарно жеребят и отдельно лежавшим черепом старой особи. В находившейся рядом могиле М3 ребёнка 1,5 лет сопровождал такой же комплект из однотипных кинжала и наконечника копья (рис. 1: 26, 27). Там же найден миниатюрный кельт длиной 3,2 см (рис. 1: 28), поясные бляхи (рис. 1: 29), шило и другие мелкие изделия. Конское снаряжение представлено полноразмерными сбруйными бляхами и колокольчиком (рис. 1: 30, 31). Во входной яме могилы М3 лошади

представлены черепами трёх жеребят, уложенных у восточной стенки над входом в катакомбу, и черепом взрослой особи.

В целом в рассмотренных четырёх могилах М1—М4 можно выделить несколько явных и косвенных признаков реального или условного присутствия в погребальном обряде воинов-колесничих и колесниц с четвёрками лошадей: 1) наличие в могилах М1 и М4 сбруйных наборов на четыре лошади, в каждом из которых было две уздечки с «колесничными» псалиями; 2) наличие намеренно уложенных у восточных стенок входных ям (М1, М3, М4) или по центру входной ямы (М2) 4—5 черепов лошадей в могилах воинов (М1, М4) и жеребят в захоронениях детей (М2, М3); 3) следы сработанности от удил на зубах лошадей в могилах воинов (М1, М4); наличие наосника и наверхий от колесницы в М1, колокольчиков от упряжной сбруи (М2, М3), пары из кельта и долота в М4 и наконечников копий с ромбическим пером в могилах М2, М3, М4. В комплект вооружения всех четырёх реальных или условных воинов входило древковое оружие (копья в М2—М4 и чекан *гэ* в М1), а также кинжал (М1, М2, М3) или меч (М2). В двух могилах присутствовали традиционные для колесничих кельты, в том числе в паре с долотом (М2). Лук и стрелы представлены только в М1 одним роговым наконечником. Следует отметить, что в могиле М5 с взрослым мужчиной находился подобный набор вооружения, поясной и сбруйной фурнитуры: вотивные бронзовые кинжал, чекан и кельт, а также полноразмерные бронзовые поясные и сбруйные бляшки. Однако, в М5 не было черепов лошади, а вооружение было дополнено луком (костяные накладки) (Институт археологии 2016: рис. 2-91 — 2-93). Имеется ли взаимосвязь между этими особенностями и статусом умершего в М5 не ясно. Если датировка погребений верна, то в Вандаху колесницы с четвёркой лошадей использовались на протяжении всего времени его функционирования с V — по начало III в. до н.э.

Могильник Мацзяюань

Могильник Мацзяюань интересен не только богатством инвентаря и органичным сочетанием разнородных влияний степного мира и китайской цивилизации. Этот памятник позволяет более обоснованно идентифицировать археологическую культуру янлан с конкретными группами скотоводов, известных в исторических источниках как *западные жуны*.²

По состоянию на 2016 г. на могильнике обнаружен в общей сложности 71 погребальный (поминальный) объект, раскопано 58 объектов (в том числе две жертвенные ямы с черепами домашних животных). В погребениях обнаружено более 40 одноосных повозок (колесниц) (Чжао Учэн 2018). Судя по погребальному обряду, могильник относится к культуре янлан, но с некоторыми особенностями, обусловленными элитным характером захоронений и местной спецификой, что уже отмечалось (Wu Xiaolong 2013). Захоронения в Мацзяюань отличаются от исследованных ранее наличием обширных и глубоких входных ям (глубина 2,5—5 м) даже в могилах средних и малых размеров (рис. 3: 3), символических ступеней в западной стенке ямы (рис. 2: 2, 3, 3: 2), расположением катакомбы с погребальной камерой не в восточной, а в северной стенке, а также необычной для культуры янлан северной ориентацией умерших (рис. 2: 2, 3, 3: 1, 2). Своя специфика по составу и количеству наблюдается по жертвенным животным. Во многих, даже наиболее крупных, могилах у восточных стенок находились только черепа лошадей (иногда быков), относящихся к упряжке. Дополнительных черепов крс и мелкого рогатого скота сравнительно немного

² Китайские исследователи уделяют этой теме значительное внимание. В частности, рассматриваются вопросы происхождения западных жунов и их отношений с Цинь. Отмечается близость погребального обряда и инвентаря Мацзяюань ицуйским жунам (Чжао Учэн 2010а: 82). В русскоязычной литературе группа погребальных памятников, содержащих копыя с ромбическим пером, и включавших захоронения типа янлан, в тезисной форме также связывалась с «ицуйскими жунами» (Ковалёв 1992: 98, 100; 2002: 120—121). При этом понятие «культура янлан» указанный автор не использовал.

(рис. 2: 3, 3: 1—3). В Мацзяюань колесницы как бы заполняли место во входной яме, отводимое в Вандаху под черепа жертвенных животных. Вероятно, роль крупных жертвенников выполняли отдельные ямы М17 и М27 без захоронений людей, но с большим количеством черепов домашнего скота. Помимо этого, во входных ямах могил (иногда у колесницы) встречался один полный скелет собаки.

В отличие от сравнительно однородных захоронений из Вандаху и других однокультурных могильников, погребения в Мацзяюань существенно различались между собой по размерам и сложности конструкции, погребальному обряду, количеству и богатству инвентаря. Основная причина тому в наличии большого количества захоронений высокого социального статуса, с самым богатым центральным погребением в могиле М6 «правителя» одной из групп *западных жунов*. Также сказались влияние царства Цинь, и соседней культуры шацзин. Местная элита ещё не перешла по китайскому образцу к строгому ранжированию в обществе и погребальному обряду. Однако, социальные различия хорошо видны в размерах погребальных сооружений, в определённом количестве ступеней в западной стенке входной ямы (преимущественно 9, 7, 5, 3 и 1 ступеней, но имеются могилы с восемью ступенями), в количестве и ранге колесниц и в богатстве инвентаря³. Этим, в частности, обусловлен не известный в рядовых погребениях культуры янлан обряд помещения в могилы целых колесниц, и даже полных туш лошадей в могилах М6 и М18 (рис. 2: 3). Действительно, в рядовых малых погребениях Мацзяюань (в том числе с широтной катакомбой и восточной ориентацией умерших) нет колесниц. Или там присутствуют только их части, инвентарь скромный, черепов жертвенных животных немного (рис. 3: 1). Можно полагать, что наличие колесниц в погребениях Мацзяюань в большей степени связано не с китайским влиянием, а с высоким статусом погребённых. Показательно наличие колесницы в сравнительно крупной могиле М62 (размеры входной ямы 3 × 2 м, глубина 2 м), хотя погребальный обряд там характерен для культуры янлан — восточная ориентация умершего и наклонная катакомба в восточной стенке входной ямы (рис. 3: 3). В рядовые погребения колесницы могли не помещать (рис. 3: 1), а среди черепов животных, выложенных у восточной стены, отсутствовала отмеченная выше упорядоченность и однозначность.

В соответствии с тематикой данной статьи, остановимся на материалах Мацзяюань, демонстрирующих назначение, а также особенности размещения колесниц и лошадей (полных туш или их голов) в захоронениях. Функциональная сбруйная фурнитура лошадей в Мацзяюань представлена сравнительно небольшим количеством железных удил с S-видными псалиями (рис. 4: б) и бронзовых бляшек с распределителями от уздечек. Детали сёдел и седельных ремней отсутствуют. Почти все расположенные у восточной стенки входных ям лошади (полные костяки и черепа) и черепа быков (крс) относятся к колесничным упряжкам. Некоторые находившиеся рядом дополнительные черепа лошадей могли принадлежать и верховым лошадям, но подтверждений тому нет. Сбруйная фурнитура и украшения фиксировались только при черепах лошадей в упряжках и при костяках людей.

В отличие от обрядности культуры янлан, центральное положение во входных ямах Мацзяюань занимали не черепа домашних животных, а колесницы в количестве от одной до пяти. В большинстве захоронений они находились во входной яме (рис. 3: 2, 3), и лишь в самых крупных и богатых захоронениях М3, М16, М18 по одной колеснице дополнительно ставилось в расширенной части катакомбы (рис. 2: 2, 3). Дышло одиночной или первой с востока наиболее украшенной колесницы во входной яме упиралось в восточную стенку (рис. 2: 2, 3, 3: 2). Судя по наиболее представительным комплексам, в колесницы Мацзяюань, как и в Вандаху, запрягалась четвёрка лошадей. Так, в самой крупной могиле «правителя» М6 и в элитной могиле М18 к востоку от первой колесницы под ярмом лежали полные

³ Необходимо отметить, что привлёкшие внимание ступеньки в западных стенках входных ям (Wu Xiaolong 2013: 123), по-видимому, имеют местные корни. Вариантом этих ступенек можно считать не столь явно выраженные уступы в более ранних могилах воинов из могильника Вандаху (рис. 1: 1).

костяки четырёх лошадей — две коренные по центру и две пристяжные по бокам (рис. 2: 3). В хорошо сохранившемся комплексе могилы М15 под ярмом с двумя рогатками также находились черепа четырёх лошадей. В стороне к югу там лежало ещё два черепа лошадей. Не меньший интерес представляют могилы М29 и М19, где у ярма одноосной повозки лежали соответственно черепа двух и четырёх быков (рис. 3: 2). Как видим, во всех документированных случаях в Мацзяюань и Вандаху в погребения помещали колесницы только с четвёрками лошадей. Быков могли запрягать по четыре (М19) и по два (М29).

Объём данных по колесницам из Мацзяюань сопоставим лишь с находками у гробницы Цинь Шихуанди. Благодаря обилию различных украшений и деталей, почти полностью покрывавших деревянные конструкции колесниц (рис. 4: 1, 3—5), удалось детально установить их конструктивные особенности (рис. 2: 4, 4: 2). В ходе исследования остатков примерно 40 одноосных повозок выделено пять видов конных колесниц (Чжао Учэн 2010а; 2010б; 2018). В первоначальной работе указанный автор предполагал, что замечательно украшенные колесницы типа 1 могли быть церемониальными, а простые не украшенные колесницы типа 5 могли выполнять различные функции на войне и охоте. Отмечалось, что их форма и размеры в основном соответствовали реальным повозкам. Вместе с тем, зафиксированы и некоторые отклонения, указывающие на упрощённый подход к изготовлению колесниц, предназначенных для погребения. Особо были выделены колесницы типа 2, рядом с которыми находили полноразмерные железные наконечники копий с ромбическим пером, в том числе с остатками древка длиной более 3,5 м. Предполагалось, что в такой колеснице могли находиться возница и два воина, один из которых вооружался копьём (Чжао Учэн 2010а: 81). Такие же втульчатые копья с ромбическим пером (железные боевые и бронзовые votивные) обнаружены в погребениях реальных и символических колесничих из Вандаху (рис. 1: 13, 21, 27).⁴

Необходимо отметить, что Чжао Учэн, прежде всего, систематизировал колесницы по богатству их оформления и месту расположения в захоронениях (рис. 2: 2), где первыми располагались наиболее нарядные повозки. Если учесть, что все колесницы даже одного типа имели индивидуальные особенности, различались диаметром колёс, длиной оси, размерами и формой кузова, то не исключено, что в дальнейшем типология этих колесниц будет изменена. К тому же, важнейшие конструктивные особенности сочленения оси, дышла и пола кузова не всегда удавалось проследить. Показательно, что в одной из последних работ Чжао Учэн (Чжао Учэн 2018) обратил внимание на несколько повозок вдвое большей длины (2,5 м), чем все другие в Мацзяюань (0,92—1,42 м), с более мощным основанием и упрощённым ярмом. Одна из таких больших повозок происходит из могилы М19. В районе дышла и ярма там находились черепа четырёх быков (крс) (рис. 3: 2). Оказалось, что большие усиленные одноосные повозки в Мацзяюань предназначались для запряжки быков. Предполагается, что указанный тип повозок для запряжки волов был сконструирован *западными жунами* на основе конных колесниц в период Чжаньго (Чжао Учэн 2018: 52—54). Судя по описанию, повозка из могилы М19 была снабжена зонтом, и украшена изделиями из бронзы, олова, серебра и лаковыми покрытиями (Чжао Учэн 2018: 12). Достаточно широкое использование быков подтверждает и наличие следов сработанности от металлических удил на зубах быков из могильников Сяохэцунь и Чжунчжуан (Институт археологии 2016: 616—617).

⁴ Бронзовые «ромбовидные» («ромбические») копья этого типа рассматривались А.А. Ковалёвым как наиболее характерная черта ишюйских жунов (Ковалёв 1992: 98, 100; 2002: 120—121), территория расселения которых примерно совпадает с ареалом культуры янлан.

Заключение

Материалы могильников Вандаху и Мацзяюань существенно дополняют друг друга и позволяют сделать несколько важных заключений. В погребальном обряде культуры янлан особое место занимали захоронения воинов-колесничих с черепами лошадей и определённым набором вооружения, как правило, включавшим копьё с ромбическим пером. При этом данный обряд захоронения мог распространяться и на детей в возрасте 1,5—3 лет. Все зафиксированные конные колесницы были квадригами. Вместе с тем, судя по могильнику Мацзяюань, помещаемые в могилы колесницы, как и погребённые с ними люди, могли не относиться к воинскому делу. Так или иначе, но материалы Вандаху указывают, что в культуре янлан имелся полный колесничный комплекс, включавший не только колесницу с четвёркой лошадей, но и соответствующий набор вооружения, воспроизводимого даже в детских погребениях.

Явных свидетельств верховой езды и наличия верховых воинов в рассмотренных захоронениях нет. Фурнитура сёдел и седельных ремней там отсутствует. Однако, дополнительные источники позволяют уверенно говорить о существовании кавалерии у населения культуры янлан. Так, верховые лошади с сёдлами (рис. 2: 1) и конные воины присутствуют в терракотовой армии Цинь Шихуанди, демонстрирующей состав армии Цинь второй половины III в. до н.э., в которую набирались и всадники из *западных жунов*. Письменные источники однозначно указывают, что конница и конные лучники в царствах Северного Китая использовались ещё до реформ Улин-вана 307 г. до н.э. в царстве Чжао. Так, в специальном исследовании Ань Чжунъи по данной теме приводятся следующие сведения. В «Шицзи» в разделе «Чжан И чжуань (Жизнеописание Чжан И)» говорится: «У Цинь лошади прекрасные, армия воинов, коней быстроногих, в одном прыжке преодолевающих 3 цуня, бесчисленное множество». Упомянутые здесь воины — это в основном ицюй. В «Шицзи» в разделе «Цинь бэньцзи (Записи о Цинь)» говорится: «В царстве Цинь на одиннадцатом году правления Хуэйвэнь-ван (около 314 г. до н.э. — прим. автора) в Ицюй... сделал правителя Ицюй своим вассалом», а воины жунского государства Ицюй как раз в основном были конниками, прекрасно владевшими конно-лучной стрельбой. Вплоть до династии Хань основными воинами-конниками в китайских армиях по-прежнему являлись этнические меньшинства (Ань Чжунъи 2002: 35). Очевидно, что в реальной жизни среди скотоводов культуры янлан имелось значительное количество всадников. Однако, согласно сложившемуся в VII—VI вв. до н.э. погребальному обряду в захоронениях предполагалось помещать реальные или условные колесницы и колесничные упряжки. В элитные погребения ставили колесницы, иногда с полными тушами лошадей, а в рядовые — части колесниц, отдельные их детали, а также конское снаряжение и черепа лошадей. Формирование данного погребального обряда могло происходить как на основе местных традиций, так и под влиянием китайской культуры, всё более усиливающимся в V—III вв. до н.э.

Литература

- Кан Ин Ук. 2018. Распространение золотой культуры саков и формирование великого шёлкового пути. В: *Золото властелинов казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан*. Тэджон: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея, 376—417.
- Ковалёв А.А. 1992. Варварские племена скифской эпохи на границах китайских государств (к проблеме локализации). В: *Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова*. Санкт-Петербург: [б.и.], 97—100.
- Ковалёв А.А. 2002. О происхождении хунну. В: Константинов М.В., Цыбиктаров А.Д (ред.). *Центральная Азия и Прибайкалье в древности*. Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 103—131.

- Степанова Е.В. 2012. Сёдла из Третьего Пазырыкского кургана. В: *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы конференции к 110-летию М.П. Грязнова*. Т. 2. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Периферия, 446—454.
- Степанова Е.В. 2014. Китайские сёдла III в. до н.э. — III в. н.э. В: *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. 2. Казань: Отечество, 235—240.
- Сыма Цянь. 2002. *Исторические записки: Ши цзи*. Т. 8. Москва: Восточная литература.
- Шульга Д.П., Шульга П.И. 2019а. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* 25, 649—656.
- Шульга П.И. 2015. *Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII—VI века до нашей эры)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Шульга П.И., Шульга Д.П. 2019б. снаряжение лошади и всадника (колесничего) в восточной части скифского мира. *Stratum plus* 3, 17—35.
- An Zhongyi. 2002. The Beginning and the Development of Cavalry in Pre-Qin Period. *Kaogu yu wenwu* 4, 34—39.
- Linduff K. 2003. A walk on the wild side: Late Shang appropriation of horses in China. In: Levine M, Renfrew C., Boyle K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research, University of Cambridge, 139—162.
- Mair V. 2003. The Horse in Late Prehistoric China: Wrestling Culture and Control from the “Barbarians.” In: Levine M, Renfrew C., Boyle K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research; University of Cambridge, 163—187.
- Rawson et al. 2020: Rawson J., Chugunov K., Grebnev Ye., Limin Huan. 2020. Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang China’s Relationship with Its Northern Neighbours. *Journal of World Prehistory* 33, 135—168.
- Shelach-Lavi G. 2014. *Steppe Land Interactions and Their Effects on Chinese Cultures during the Second and Early First Millennia BCE. Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and Their Eurasian Predecessors*. Honolulu: University of Hawaii Press, 10—31.
- Shulga P.I., Shulga D.P. 2021. New Materials on Sacrificial Animals in Yanglang Culture Burials of the 5th — 3rd cc. BCE (China). *МАИАСП* 13, 111—125. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.93.37.011.
- Wan Xiang. 2013. The Horse in Pre-Imperial China. *Publicly Accessible Penn Dissertations*. Philadelphia: University of Pennsylvania.
- Wu Xiaolong. 2013. Cultural Hybridity and Social Status: Elite Tombs on China’s Northern Frontier during the Third Century BC. *Antiquity* 87:335, 121—136.
- Yang Jianhua, Linduff K. 2013. A Contextual Explanation for «Foreign» or «Steppic» Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor. In: Zhu Hong (ed.) *Asian Archaeology*. Vol. 1. *Research Center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University*. Beijing: Science Press, 73—84.
- Ань Чжунъи. 2002. 先秦骑兵的诞生及演变 开始 и развитие кавалерии в период до Цинь. *考古与文物* Каогу юй вэньу 4, 34—39.
- Ван Хуэй и др. 2010: Ван Хуэй, Чжао Учэн, Чжао Чжо, Лу Минь, Чжан Вэй, Чжао Сичэнь, Го Сяося, Мэн Юнци, Хуа Пиннин. 2010. 张家川马家塬战国墓地 2008—2009 年发掘简报 Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань эпохи Чжаньго в Чжанцзячуане с 2008 по 2009 год. *文物* Вэньу 10, 4—26.
- Институт археологии 2008: Институт археологии и культурного наследия провинции Ганьсу, Музей Чжанцзячуань-Хуэйского автономного уезда. 2008. 年度甘肃张家川回族自治县马家塬战国墓发掘简报 Годовой отчет о раскопках кладбища Мацзяюань периода Чжаньго в Чжанцзячуань-Хуэйском автономном уезде провинции Ганьсу. *文物* Вэньу 9, 4—28.
- Институт археологии 2014: Институт археологии и материальной культуры провинции Ганьсу. 2014. 西戎遗珍马家塬战国墓地出土文物 Археологические находки западных жунов периода Чжаньго по материалам могильника Мацзяюань. Пекин: Вэньу чубаньшэ.
- Институт археологии 2016: Институт археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского АР, Управление по делам культурного наследия уезда Пэньян. 2016. 王大户与九龙山—北方青铜文化墓地 Вандаху и Цюлуаншань — могильники культуры северных бронз. Пекин: Вэньу чубаньшэ.
- Лю Бинбин и др. 2018: Лю Бинбин, Се Янь, Ван Хуэй. 2018. 张家川马家塬战国墓地 2012—2014 年发掘简报 Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань эпохи Чжаньго в Чжанцзячуане с 2012 по 2014 год. *文物* Вэньу 3, 4—25.

- Се Янь, Лю Бинбин. 2012. 张家川马家塬战国墓地 2010—2011 年发掘简报 Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань эпохи Чжаньго в Чжанцзячуане с 2010 по 2011 год. *文物 Вэньу* 8, 4—26.
- Сюй Чэн и др. 1993: Сюй Чэн, Ли Цзиньцэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун. 1993. 宁夏固原杨郎青铜文化墓地 Могильник бронзовой культуры Янлан в у. Гуюань, Нинся. *考古学报 Каогу сюэбао* 3, 13—56.
- Чжао Учэн. 2010а. 甘肃马家塬战国墓马车的复原 Реставрация колесницы в гробнице Мацзяюань эпохи Чжаньго, пров. Ганьсу. *文物 Вэньу* 6, 75—83.
- Чжао Учэн. 2010б. 甘肃马家塬战国墓马车的复原 (续一) Реставрация колесницы в гробнице Мацзяюань эпохи Чжаньго, пров. Ганьсу (продолжение один). *文物 Вэньу* 11, 84—96.
- Чжао Учэн. 2018. 甘肃马家塬战国墓马车的复原 (续二) Реставрация колесницы в гробнице Мацзяюань эпохи Чжаньго, пров. Ганьсу (продолжение два). *文物 Вэньу* 6, 44—57.
- Чжоу Гуанци и др. 2009: Чжоу Гуанци, Чжао Учэн, Чжао Чжо, Хуа Пиннин, Ван Хуэй. 2009. 张家川马家塬战国墓地 2007—2008 年发掘简报 Краткий отчет о раскопках могильника Мацзяюань эпохи Чжаньго в Чжанцзячуане с 2007 по 2008 год. *文物 Вэньу* 10, 25—51.

References

- Kan In Uk. 2018. In: *Zoloto vlastelinov kazahskih stepei. Sovmestnyi katalog Respubliki Koreya i Respubliki Kazahstan (Gold of the rulers of the Kazakh steppes. Joint catalogue of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan)*. Daejeon: National Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea, 376—417 (in Russian).
- Kovalev, A.A. 1992. In: *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya. Tezisy konferencii k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Mihaila Petrovicha Gryaznova (Northern Eurasia from Antiquity to the Middle Ages. Abstracts of the conference dedicated to the 90th Anniversary of the birth of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Saint Petersburg: [s.n.], 97—100 (in Russian).
- Kovalev, A.A. 2002. In: Konstantinov, M.V., Cybiktarov, A.D (eds.). *Central'naya Aziya i Pribajkal'e v drevnosti (Central Asia and the Baikal region in ancient times)*. Ulan-Ude: Buryat State University, 103—131 (in Russian).
- Stepanova, E.V. 2012. In: *Kul'tury stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi civilizacijami. Materialy konferencii k 110-letiyu M.P. Gryaznova (Cultures of Steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. Materials of the conference dedicated to the 110th Anniversary of M.P. Gryaznov)*. Vol. 2. Saint Petersburg: ИМК RAS; Periphery, 446—454 (in Russian).
- Stepanova, E.V. 2014. In: *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)*. Vol. 2. Kazan: Fatherland, 235—240 (in Russian).
- Sima Qian. 2002. *Istoricheskie zapiski: Shi czi (Historical notes: Shi ji)*. Vol. 8. Moscow: Oriental Literature (in Russian).
- Shulga, D.P., Shulga, P.I. 2019a. In *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij (Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)* 25, 649—656 (in Russian).
- Shulga, P.I. 2015. *Mogil'nik Yujhuanmyao v Severnom Kitae (VII—VI veka do nashey ery) (Yuhuangmiao burial ground in Northern China (7th – 6th centuries BCE))*. Novosibirsk: IAET SB RAS (in Russian).
- Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2019b. In *Stratum plus* 3, 17—35 (in Russian).
- An Zhongyi. 2002. The Beginning and the Development of Cavalry in Pre-Qin Period. *Kaogu yu wenwu* 4, 34—39 (in Chinese).
- Linduff, K. 2003. A walk on the wild side: Late Shang appropriation of horses in China. In: Levine, M, Renfrew, C., Boyle, K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research; University of Cambridge, 139—162.
- Mair, V. 2003. The Horse in Late Prehistoric China: Wrestling Culture and Control from the “Barbarians.” In: Levine, M, Renfrew, C., Boyle, K. (eds.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge: Macdonald Institute for Archaeological Research; University of Cambridge, 163—187.
- Rawson et al. 2020: Rawson, J., Chugunov, K., Grebnev, E., Limin Huan. 2020. Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang China's Relationship with Its Northern Neighbours. *Journal of World Prehistory* 33, 135—168.

- Shelach-Lavi, G. 2014. Steppe Land Interactions and Their Effects on Chinese Cultures during the Second and Early First Millennia BCE. *Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and Their Eurasian Predecessors*. Honolulu: University of Hawaii Press, 10—31.
- Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 111—125. DOI: 10.53737/2713-2021.2021.93.37.011.
- Wan Xiang. 2013. The Horse in Pre-Imperial China. Publicly Accessible Penn Dissertations. Philadelphia: University of Pennsylvania.
- Wu Xiaolong. 2013. Cultural Hybridity and Social Status: Elite Tombs on China's Northern Frontier during the Third Century BC. *Antiquity* 87:335, 121—136.
- Yang Jianhua, Linduff, K. 2013. A Contextual Explanation for “Foreign” or “Steppic” Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor. In: Zhu Hong (ed.). *Asian Archaeology*. Vol. 1. *Research Center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University*. Beijing: Science Press, 73—84.
- Wang Hui et al. 2010: Wang Hui, Zhao Wucheng, Zhao Zhuo, Lu Min, Zhang Wei, Zhao Xichen, Guo Xiaoxia, Meng Yongqi, Hua Pingning. 2010. Zhangjiachuan Majiayuan Warring States Cemetery 2008—2009 Excavation Briefing. *Cultural relics* 10, 4—26 (in Chinese).
- Institute of Archeology 2008: Gansu Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology, Zhangjiachuan Hui Autonomous County Museum. 2008. Annual briefing on the Excavation of the Warring States Cemetery in Majiayuan, Zhangjiachuan Hui Autonomous County, Gansu Province. *Cultural relics* 9, 4—28 (in Chinese).
- Institute of Archeology 2014: Gansu Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology. 2014. *Cultural relics unearthed in the Warring States Cemetery of Majiayuan, a Relic of Xijong*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Institute of Archeology 2016: Ningxia Institute of Cultural Relics and Archaeology, Pengyang County Cultural Relics Management Institute. 2016. *Wang Datu and Jiulongshan-Northern Bronze Cultural Cemetery*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Liu Bingbing et al. 2018: Liu Bingbing, Xie Yan, Wang Hui. 2018. Zhangjiachuan Majiayuan Warring States Cemetery 2012—2014 Excavation Briefing. *Cultural relics* 3, 4—25 (in Chinese).
- Xie Yan, Liu Bingbing. 2012. Zhangjiachuan Majiayuan Warring States Cemetery 2010—2011 Excavation Briefing. *Cultural relics* 8, 4—26 (in Chinese).
- Xu Cheng et al. 1993: Xu Cheng, Li Jinzeng, Wei Zhong, Han Xiaojin, Yoon Se-jung. 1993. Yanglang Bronze Culture Cemetery in Guyuan, Ningxia. *Journal of Archaeology* 3, 13—56 (in Chinese).
- Zhao Wucheng. 2010a. Restoration of the carriage from the Warring States Tomb in Majiayuan, Gansu. *Cultural relics* 6, 75—83 (in Chinese).
- Zhao Wucheng. 2010b. Restoration of the carriage from the Warring States Tomb in Majiayuan, Gansu (cont. one). *Cultural relics* 11, 84—96 (in Chinese).
- Zhao Wucheng. 2018. Restoration of the carriage from the Warring States Tomb in Majiayuan, Gansu (cont. two). *Cultural relics* 6, 44—57 (in Chinese).
- Zhou Guangji et al. 2009: Zhou Guangji, Zhao Wucheng, Zhao Zhuo, Hua Pingning, Wang Hui. 2009. Zhangjiachuan Majiayuan Warring States Cemetery 2007—2008 Excavation Briefing. *Cultural relics* 10, 25—51 (in Chinese).

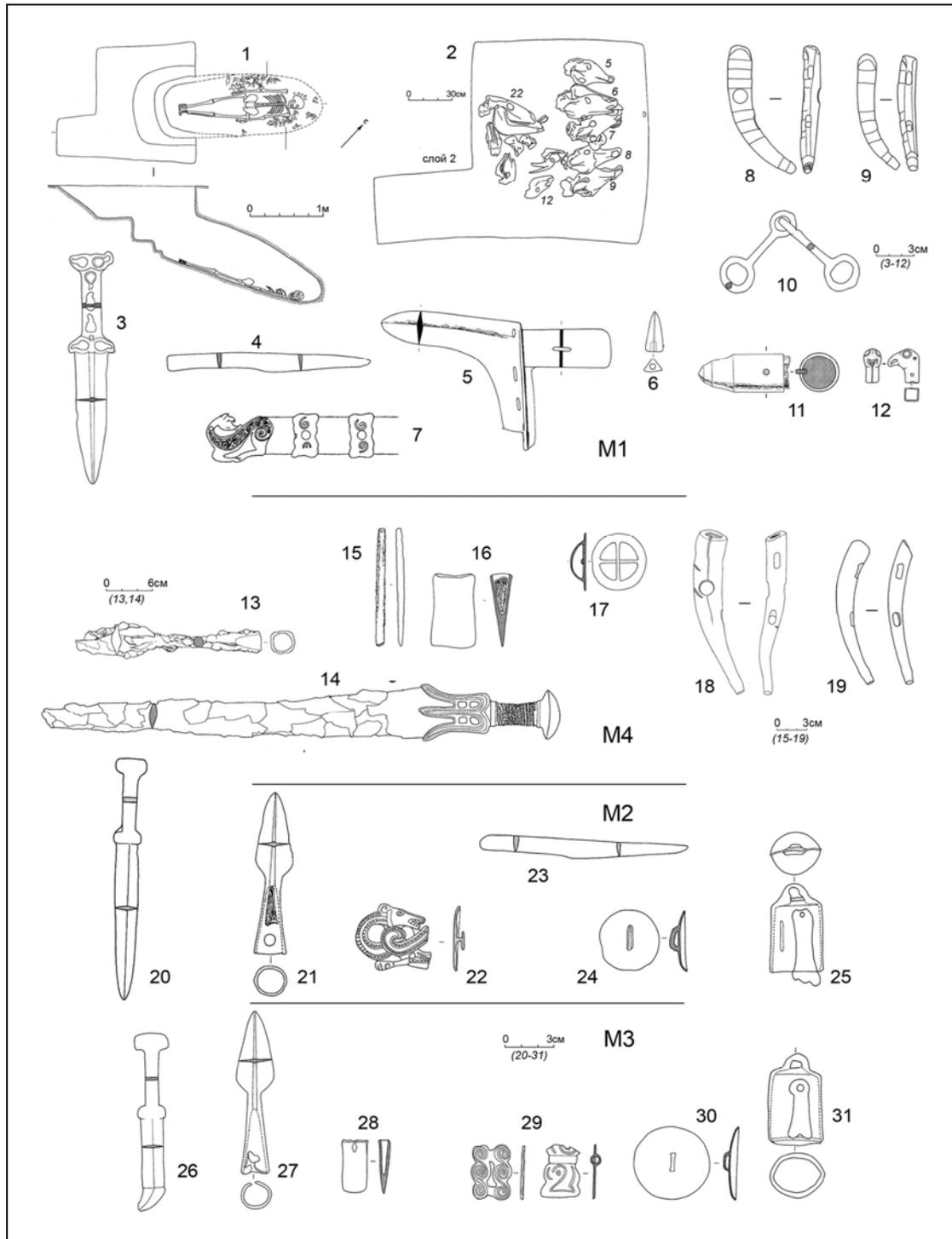

Рис. 1. Могильник Вандаху. 1 — план и разрез могилы M1; 2 — план расположения черепов животных в слое 2; 3—6, 13, 14, 16, 20, 21, 26—28 — вооружение; 7, 22, 29 — поясные бляшки; 8—10, 17—19, 24, 25, 30, 31 — детали конского снаряжения; 11, 12 — детали колесницы. Бронза — 3—5, 7, 11, 12, 15—17, 20—31, бронза, железо — 14; железо — 13; рог — 8, 9, 18, 19. (по Институт археологии 2016).

Fig. 1. Vandahu burial ground. 1 — plan and section of grave M1; 2 — plan of location of animal skulls in layer 2; 3—6, 13, 14, 16, 20, 21, 26—28 — weapons; 7, 22, 29 — belt plaques; 8—10, 17—19, 24, 25, 30, 31 — details of horse equipment; 11, 12 — details of the chariot. Bronze — 3—5, 7, 11, 12, 15—17, 20—31, bronze, iron — 14; iron — 13; horn — 8, 9, 18, 19. (after Institute of Archeology 2016).

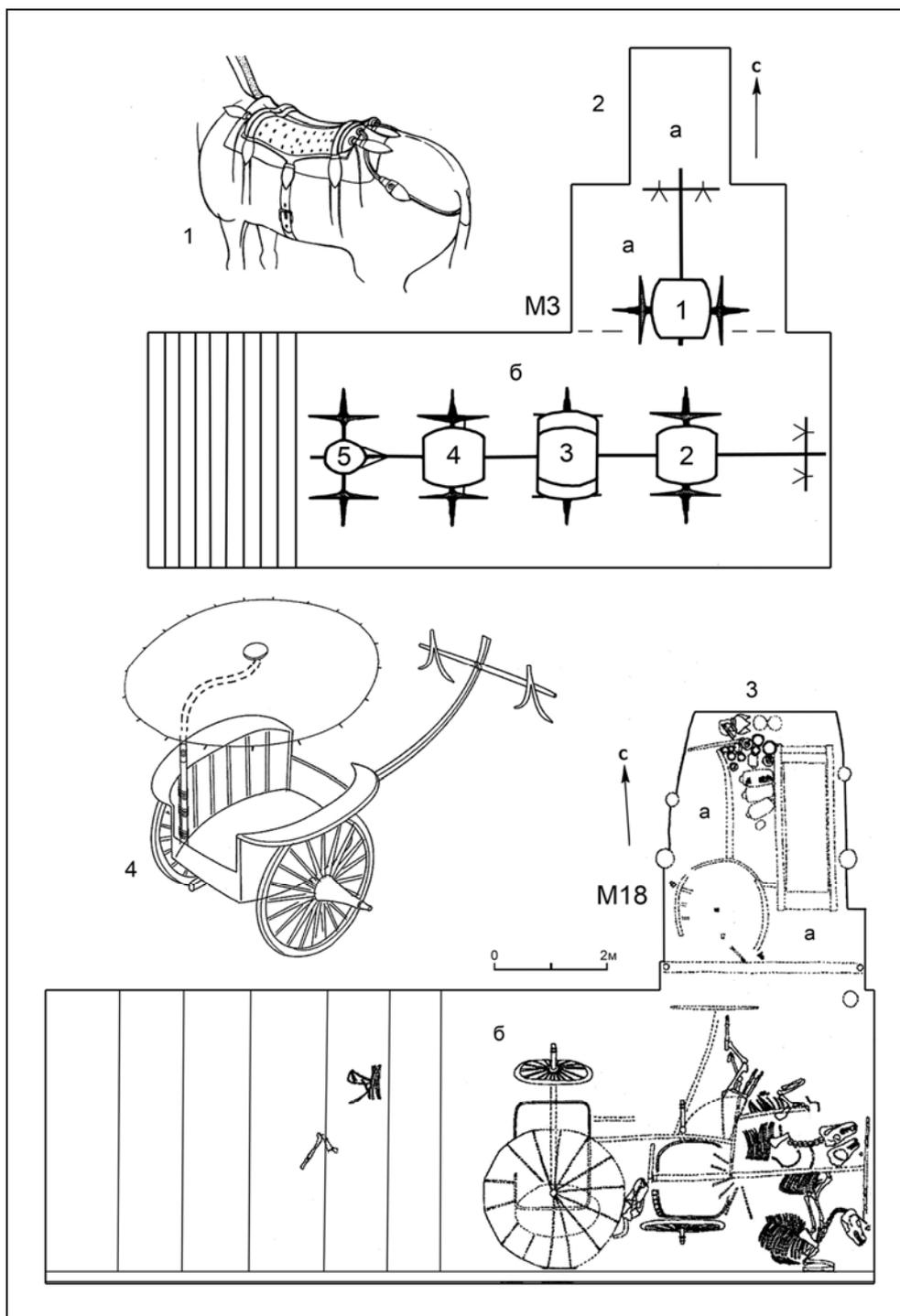

Рис. 2. Могильник Мацзяюань. 1 — верховая лошадь из терракотовой армии Цинь Шихуанди; 2 — схема могилы М3 и расположения колесниц; 3 — план могилы М18 и схема расположения колесниц: а — катакомба с погребением человека и колесницей, б — ступенчатая входная яма с колесницами; 4 — схема колесницы типа № 3 (по 1 — Степанова 2012: рис. 2; 2 — Чжао Учэн 2010а: рис. 1; 3 — Се Янь, Лю Бинбин 2012: рис. 3; 4 — Чжао Учэн 2018: рис. 1).

Fig. 2. Majiayuan burial ground. 1 — riding horse from the terracotta army of Qin Shi Huang; 2 — diagram of the grave M3 and the location of the chariots; 3 — plan of the grave M18 and the layout of the chariots: a — a catacomb with a human burial and a chariot, b — a stepped entrance pit with chariots; 4 — diagram of a type 3 chariot (after 1 — Stepanova 2012: fig. 2; 2 — Zhao Wucheng 2010a: fig. 1; 3 — Xie Yan, Liu Bingbin 2012: fig. 3; 4 — Zhao Wucheng 2018: fig. 1).

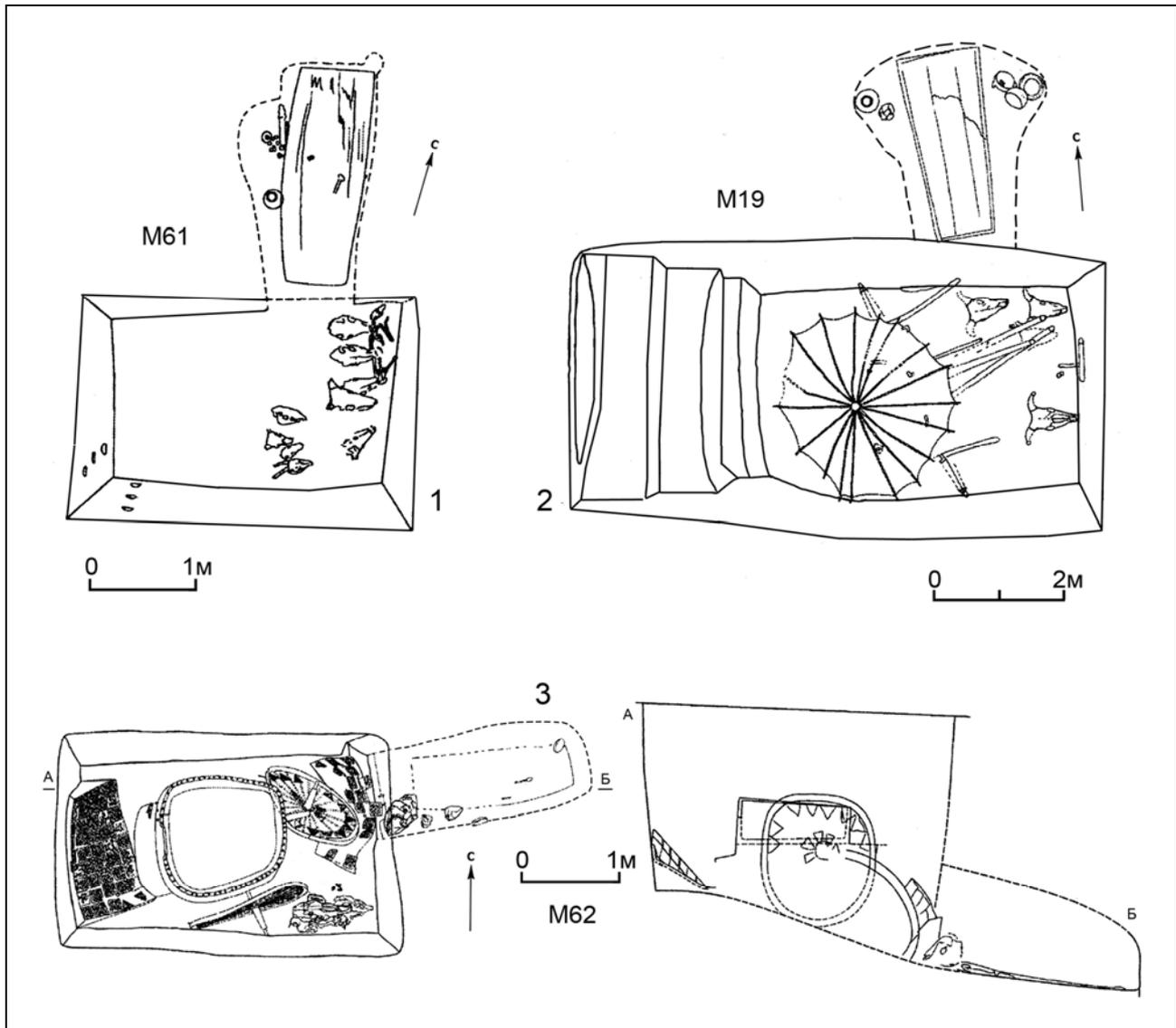

Рис. 3. Могильник Мацзяюань. 1, 2 — планы могил M61 и M19 с входными ямами и катакомбами; 3 — план и разрез могилы M62 с входной ямой и катакомбой (по 1, 3 — Лю Бинбин и др. 2018: рис. 9, 10; 2 — Се Янь, Лю Бинбин 2012: рис. 18).

Fig. 3. Majiayuan burial ground. 1, 2 — plans of graves M61 and M19 with entrance pits and catacombs; 3 — plan and section of the grave M62 with an entrance pit and a catacomb (after 1, 3 — Liu Bingbing et al. 2018: fig. 9, 10; 2 — Xie Yan, Liu Bingbing 2012: fig. 18).

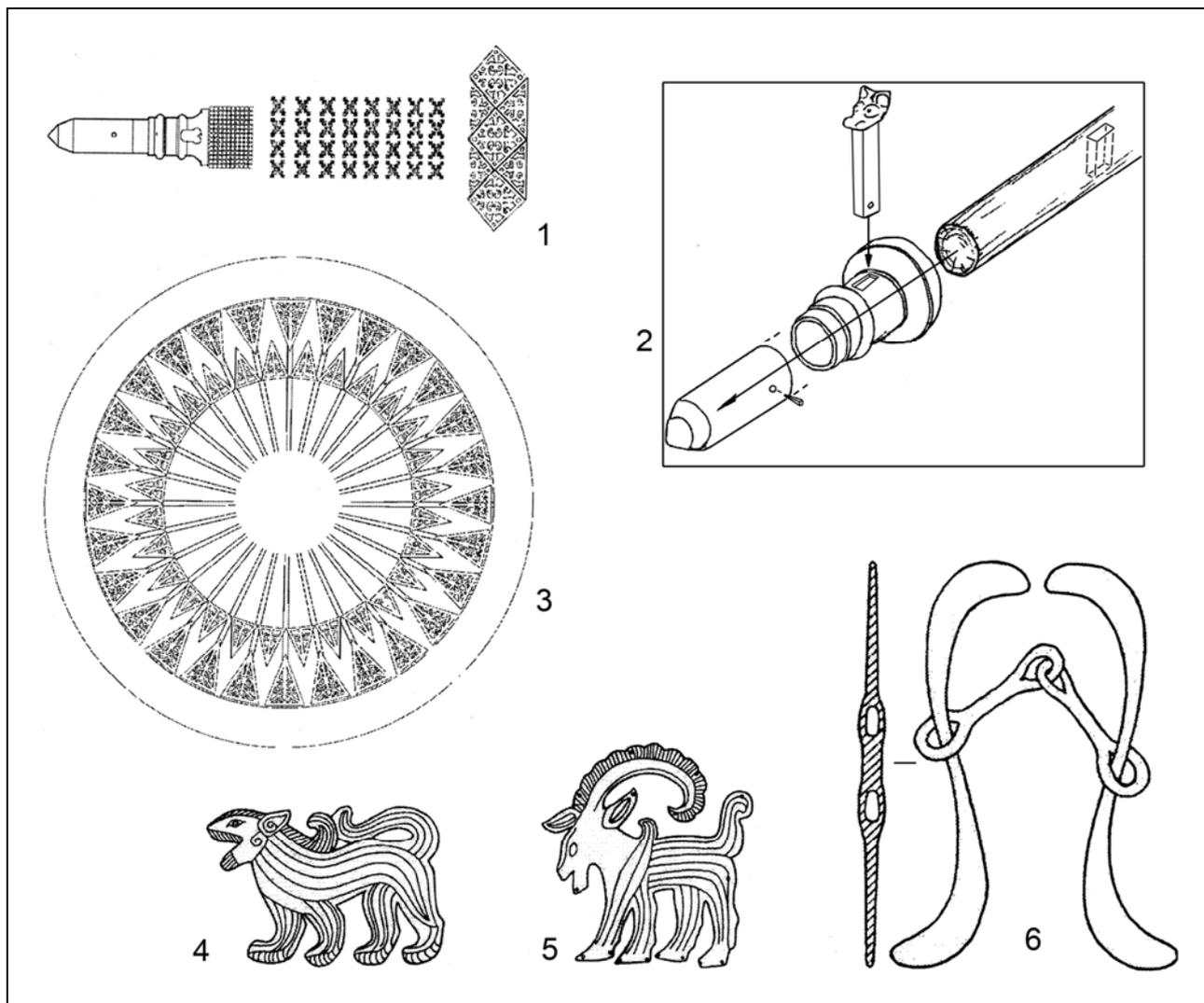

Рис. 4. Могильник Мацзяюань. 1, 3 — схема орнамента оси и колеса колесниц из могил M14 (1) и M15 (3); схема расположения и крепления бронзовых наосников на внешней части оси (M14); 4, 5 — аппликации колесниц из золотой (4) и серебряной (5) фольги; 6 — железные удила и псалии (по 1, 3 — Чжоу Гуанцзи и др. 2009: рис. 29; 2 — Чжао Учэн 2018: рис. 26; 4—6 — Институт археологии 2008: рис. 62, 67).

Fig. 4. Majiayuan burial ground. 1, 3 — diagram of the ornament of the axle and wheel of chariots from graves M14 (1) and M15 (3); layout and fastening of bronze pins on the outer part of the axle (M14); 4, 5 — applications of chariots from gold (4) and silver (5) foil; 6 — iron bits and cheek-pieces (after 1, 3 — Zhou Guangji et al. 2009: fig. 29; 2 — Zhao Wucheng 2018: fig. 26; 4—6 — Institute of Archeology 2008: fig. 62, 67).